

Россия между империей и нацией

Концепции национально-государственного устройства в условиях кризиса гражданской идентичности | ЭМИЛЬ ПАИН

Распад многонациональных государств, таких, как СССР, сопровождается «кризисом идентичности»: люди с трудом привыкают к новым государствам, к новым границам, к новой общественной идентификации, их образ «мы» деформируется. В современной России этот кризис проявляется еще сильнее, поскольку за постсоветский период конкурирующие политические идеологии — идея коммунизма и идея демократии — были в значительной мере дискредитированы. Утратили былую привлекательность зарубежные образцы для подражания, по отношению к которым десятилетиями (если не веками) формулировались лозунги «Догоним и перегоним». Затянувшийся кризис привел к тому, что в массовом сознании возросло значение традиционных образов идентичности, а в среде интеллектуалов возник интерес к обсуждению неких «особых» моделей национально-государственного устройства. В московском интеллектуальном бомонде наиболее живо обсуждаются два концепта: проект политической гражданской нации и неоимперский проект. При кажущейся противоположности они представляют собой, по сути, две разновидности одной и той же имперской модели, с той лишь разницей, что в первом случае она прикрывается риторикой о необходимости гражданской нации, а во втором — предусматривает создание новой империи, в стиле Третьего рейха. Подлинная же концепция гражданской нации как формы самооргани-

зации общества и источника народной власти в России, на мой взгляд, пока еще не сложилась в силу комплекса неблагоприятных для ее формирования условий. Эту гипотезу я и предлагаю рассмотреть в данной статье.

Сколько ни говори «халва»...

Можно лишь приветствовать тот факт, что термин «российская гражданская нация» уже не режет слух нашим политикам, и наибольшая заслуга в этом Валерия Тишкова. Солидаризуясь с известнейшим этнологом в признании самой идеи гражданской нации в качестве целевого проекта для России, я расхожусь с ним, во-первых, в понимании сущности этого явления и, во-вторых, в вопросе относительно готовности российского общества к его освоению. По моему убеждению, наше общество не только не готово к реализации такого рода проекта, но и движется в противоположную сторону. Тишков же полагает, что достаточно назвать население России «нацией» — и само это определение породит нацию. Вроде того, как назовешь больного здоровым — и он сразу выздоровеет.

В одной из своих последних работ Валерий Александрович пишет: «Национализм не следует понимать в эссенциалистском смысле как некую социальную инженерию по унификации культурных черт и идентичности россиян. Это прежде всего политика утверждения понятия...»¹. Должен заметить, что такая «политика» — это как

раз и есть социальная инженерия. Из контекста видно, что автор рассчитывает на «утверждение понятия» в результате частого употребления словосочетаний «российская нация» и «российский народ» в важных политических документах, таких, как ежегодные послания президента. На первый взгляд эта сугубо инструментальная задача кажется легко решаемой. Она хорошо вписывается в технологию современной политики «имитационной демократии», которая во многом сводится именно к смене названий и к подмене понятий. Например, Федеральное собрание называют «органом народовластия», хотя оно полностью зависит от исполнительной власти. Назначенную президентом Общественную палату называют «институтом гражданского общества», хотя гражданское общество может возникнуть только на основе самоорганизации.

Возможности манипуляции массовым сознанием неоднократно испытаны и проверены на практике во многих странах мира, а уж в нашей-то «вертикальной» стране слова лидеров, тиражируемые СМИ, особенно значимы. Кому-то даже начинает казаться, что с помощью внушений можно быстро «перепрограммировать» массовое сознание. Однако у информационного манипулирования есть свои пределы. 1990-е годы дают немало примеров, показывающих ограниченные возможности информационного воздействия на изменение ценностных ориентаций населения. В то время либеральная идеология преобладала в СМИ, однако массивная информационная атака в либеральном духе не привела к всеобщему освоению населением соответствующих ценностей. Демократия в раннем постсоветском обществе воспринималась в основном лишь как инструмент для достижения высокого уровня жизни — «как у них». Когда же романтические надежды не оправдались, началось движение общества в сторону традиционализ-

ма и новой легитимации авторитарно-вертикального управления. Да и в 2000-х заметен разрыв между целями информационного давления на общество и полученными результатами. Например, несмотря на часто повторяемые государственными каналами картинки, свидетельствующие о все более прочной стабильности в стране, социальная тревожность населения нарастает, и одним из ее проявлений стала ксенофобия.

Сегодня в российском гуманитарном дискурсе существует два крайних и примерно в равной степени неадекватных подхода к динамике ценностей и самоидентификации. Один из них базируется на методологии примордиализма и эссенциализма с немалой долей мистицизма и допускает фатальную извечную предопределенность культурных свойств и ценностных ориентаций различных народов и цивилизаций. Отсюда вытекает идея роковой «судьбы народа», с которой мне не раз приходилось полемизировать². Сейчас же я полемизирую с другой крайностью — с чрезмерным конструктивизмом, которому свойственно переоценивать роль внушения и преувеличивать пластичность массового сознания под воздействием слова и других информационных инструментов. Оба подхода приводят к весьма упрощенным представлениям о процессе формирования нации.

Бенедикт Андерсон назвал нацию «воображаемым сообществом»³. Действительно, первый этап формирования наций — это создание образа единого гражданского «мы» в масштабе страны. Однако любое воображение должно опираться на некую реальность, иначе созданный образ либо быстро тает (как, например, иллюзии перестройки), либо сталкивается с противоположными представлениями. В Грузии воображают, что Абхазия — часть единой грузинской державы, а в Абхазии господствует совершенно иное мнение, и 80 проц. местных жите-

лей могут нащупать в своих карманах российские паспорта. Впрочем, наличия паспортов или других формальных признаков гражданства недостаточно для того, чтобы вообразить себя частью единой нации. Во многих странах существуют сепаратистские тенденции; в некоторых государствах (например, Великобритания, Канада) сепаратистские партии, не пренебрегающие правилами политической деятельности, разрешены законом. Понятно, что сепаратисты, обладающие всеми правовыми признаками гражданства, не считают себя частью той нации, из которой хотят выделиться. Эрнест Ренан еще в XIX веке дал определение, которое с тех пор стало каноническим: «Нации — это ежедневный плебисцит»⁴. Из этого определения вытекает, что нации не конструируются по воле правителей, не задаются раз и навсегда формальным правовым статусом гражданина — они самоопределяются в ходе социальной практики, и процесс этот непрерывный.

Нация *versus* империя

Валерий Тишков не единственный, кто полагает, что нацией можно назвать любое территориальное сообщество, то есть население, «демос», вне зависимости от типа политического режима, в котором этот «демос» существует⁵. Свобода от политических ограничений, в свою очередь, позволяет некоторым аналитикам и политикам конструировать причудливые интеллектуальные гибриды вроде «имперской нации». Так, популярный политолог Станислав Белковский предсказывает, что «в 2004—2008 годах должны быть заложены основы российской нации. У нашей нации есть единая судьба — имперская»⁶. Наталия Нарочницкая тоже «не отрицает позитивный опыт построения гражданской нации», который, по ее мнению, неизбежно перерастет в России «в спокойную имперскую сущность, свободную от страхов и ощущения собственной уязвимости перед чужи-

ми и разрушительными идеями»⁷. Тишков не считает империей ни Советский Союз, ни тем более современную Россию (см. статью Валерия Тишкова на с. 21—41 в этом номере *Pro et Contra*). Белковский и Нарочницкая, напротив, полагают, что Россия была и остается империей, но лишь подпорченной в период либеральных преобразований и под влиянием Запада. Однако и в том, и в другом случае идея гражданской нации подменяется противоположным, имперским, концептом державного единства.

Характерно, что попытки придать империи образ государства-нации (*nation-state*) неоднократно предпринимались еще в царской России, по крайней мере со времен уваровского проекта «официальной народности», который, по мнению Бенедикта Андерсона, являлся «ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображаемом сообществе»⁸. Однако эти проекты оказались безуспешными. «Имперская Россия, — пишет Роналд Суни, — сделала попытку расширить поле применения официального национализма, сначала в виде бюрократической централизации, а потом в виде культурной русификации, для подавления нерусского национализма и сепаратизма, а также в целях идентификации династии и монархии с русской “нацией”. Но все эти разнообразные и часто противоречивые попытки раздирались противоположными тенденциями, прежде всего мощным противовесом в виде наднациональных идентификаций России с империей»⁹. Одной из важнейших причин провала попыток выдать империю за государство-нацию стала, по мнению американского антрополога, неспособность «русской элиты предложить ясную идею русской нации, разработать идентичность, не сводимую к религиозному (православному), имперскому, государственническому или узкоэтническому началу»¹⁰. Хотя российские образованные слои

еще в XVIII столетии освоили слово «нация», в России, по мнению Суни, «до второй половины XIX века по-прежнему отсутствовало параллельное западноевропейскому понятие нации как политического сообщества, где народ выступает в качестве источника легитимности и суверенитета»¹¹. Согласно сценарию официального национализма, народу предоставлялась возможность любить державу и повелителя, но не позволялось легитими-

«власть без согласия народов» не обязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии. Она лишь показывает, что имперский порядок функционирует независимо от воли граждан и их ассоциаций, например этнотерриториальных сообществ. Что касается территориальной экспансии, которую некоторые исследователи считают важнейшим признаком империи, то, на мой взгляд, это свойство империй не универ-

“Нынешняя российская элита пытается представить современные версии державничества и официальной народности в качестве проекта гражданской нации”.

ровать царскую власть. Похоже, и нынешняя образованная российская элита пытается представить современные версии державничества и официальной народности в качестве проекта гражданской нации. Не сомневаюсь, что эти попытки окажутся еще менее успешными, чем те, которые предпринимались в XIX столетии.

В модернистских теориях, близких моей позиции, понятия «империя» и «нация» рассматриваются как противоположности, как полюса дихотомии, которая обозначает один из основных векторов исторического развития государства и общества. «Империя, — отмечает Доминик Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагают все разумные определения этого понятия»¹². Примерно так же трактует империю и Марк Бейссинджер, определяя ее как «нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими»¹³. Егор Гайдар тоже считает важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно то, что в нем «*imperiūm* — власть доминировала в организации ежедневной жизни»¹⁴. Формула

сальное, поскольку исторически ограничено лишь периодом их расцвета. Римская империя в последние века своего существования, Османская и Российская империи в течение более полувека на исходе своей жизни исключительно теряли завоеванные территории и заботились лишь о сохранении имперского наследия, но всё же оставались империями не только по самоназванию, но и по типу политического режима.

В противоположность империи государство-нация основано на доктрине «народного суверенитета», которую на протяжении вот уже нескольких веков развивали европейские мыслители от Жан-Жака Руссо до Юргена Хабермаса. Сама идея гражданской политической нации исторически возникла как рефлексия по поводу роли общества по отношению к государству. Суть ее хорошо известна: не государь, а народ (общество) представляет собой источник власти, суверенитета; не народ служит государству, а государство является «слугой народа», проводником его коллективного национального интереса. Наиболее точное определение политической нации дал Карл Дейч: «Нация — это народ, овладевший государством и сделавший его орудием реализации своих общественных и, в этом смысле, национальных

интересов»¹⁵. Ныне подобные трактовки нации, безусловно, доминируют в политологической теории, которая подчеркивает что «народный суверенитет» — это не столько достигнутое состояние, сколько процесс, пики которого отнюдь еще не пройдены ни в одной из стран мира. Политическая нация — это не государство, и не население государства — «демос», и даже не просто гражданское общество, это еще и общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью¹⁶.

Такой тип идентичности не может сложиться только под воздействием образования, пропаганды и внушений, для его формирования необходимы *определенные институциональные предпосылки*¹⁷. Важнейшей из них является рост численности и влияния «третьего сословия», или — в современной редакции этого термина — «среднего класса». В этом отношении тенденции, которые имеют место в современной России, противоположны ожиданиям тех, кто рассчитывает на утверждение в российском обществе ценностей гражданской нации. Подобный вывод напрашивается из аналитического доклада «Городской средний класс в современной России», подготовленного по материалам исследований Института социологии РАН за 2006 год. Предыдущее аналогичное исследование было проведено в 2003-м, и, по оценкам социологов, за три года произошли заметные перемены: доля среднего класса среди взрослого городского населения снизилась с 25 до 20 процентов. Однако еще важнее то, что за короткое время радикально изменилось социальное наполнение среднего класса: процент предпринимателей в его составе сократился с 13 до 6 проц., а доля госслужащих, наоборот, возросла с 49 до 54 процентов¹⁸. Такой состав российского «третьего сословия» во многом определяет преобладание в его среде вовсе не гражданских,

а подданнических ориентаций. Материалы того же исследования ИС РАН указывают на значительные различия в социально-политических позициях нашего и западного среднего класса относительно государства, демократии и политической оппозиции. Как показывает исследование, российское «третье сословие» относится к государству как к генератору жизненных смыслов, а не как к арбитру, следящему за соблюдением правил. Больше половины респондентов отдают приоритет интересам государства, а не интересам отдельной личности. Еще одна любопытная деталь: 42 проц. опрошенных полностью и 45 проц. частично разделяют экзотическое для европейца мнение: задача политической оппозиции — оказывать правительству помощь в работе, а не критиковать его¹⁹. Все это мало похоже на гражданскую нацию как «общество, овладевшее государством».

Зачем империю маскируют под нацию?

Если утверждение идеи гражданской нации в массах возможно лишь при условии глобальных социальных перемен внутри страны, то появление самой идеи связано с глобальными процессами. Сначала она возникает в странах пионерной модернизации, а затем становится глобальной нормой, но первое время лишь в качестве целевой модели. «Распространяясь из Франции по миру, национализм, — отмечает Суни, — приносил с собой требование политических прав на определенную территорию для отдельно взятой культурной общности... С течением времени любое государство, желающее выжить, должно было встать на путь национализирующей политики, чтобы приобрести легитимность с точки зрения нового универсального дискурса нации»²⁰. Уже в начале XX века имперская модель государственного устройства утратила свою легитимность, а противоположная ей национальная модель организации государства приобрела характер доминирующей

в глазах политической элиты большинства стран мира. С этого времени сопротивляться новой мировой норме стало трудно, однако оставалось возможным выхолащивать гражданское содержание нации и подменять его некими эрзацами наподобие «официальной народности».

Авторитетный историк советской национальной политики Терри Мартин приводит документальные доказательства того, что «Ленин и Сталин очень хорошо осознали опасность, которую несло клеймо империи в век национализма»²¹. Впрочем, Советский

демократию»), федерацию (особую, «вертикальную федерацию»), а теперь еще придворные эксперты предлагают властям назвать все это «гражданской нацией» (особой нацией со «спокойной имперской сущностью»).

Имперский тип нашего политического устройства (речь идет о нынешней усеченной империи, «империи для себя») все заметнее проступает также по мере свертывания тех робких и непоследовательных попыток создания федерации, которые предпринимались в 1990-х годах. Россия не успела стать государством-нацией федеративного типа

“Утверждение идеи гражданской нации в массах возможно лишь при условии глубоких социальных перемен внутри страны”.

Союз рождался вовсе не как империя, а как антиимперия под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой тюрьму народов!». Однако национальный суверенитет (вплоть до права выхода из состава Союза), который большевики обещали предоставить многочисленным народам бывшей империи, чтобы в ходе Гражданской войны привлечь на свою сторону национальные движения, уже в начале 1930-х стал лишь декорацией, тогда как реальные властные полномочия сосредоточил в своих руках партийный аппарат. Не случайно руководители региональных партячеек в автономных республиках Российской Федерации и в ее областях назывались одинаково — секретарь обкома. Остаточная декоративность национально-федеративного устройства нужна была советской империи именно потому, что Сталин понимал: в XX столетии в глобальном масштабе имперский тип правления уже нелегитимен. Вот и нынешние российские лидеры по той же причине декорируют свой главный политический проект рецентрализации страны и «власти над народами без их на то согласия» под демократию (особую, «суверенную

к тому времени, когда реформы президента Путина (разделение страны на семь федеральных округов; изгнание избранных лидеров регионов из верхней палаты российского парламента — Совета Федерации, а затем и замена выборов глав регионов их назначением из Кремля) прервали процесс федерализации России. По мнению социологов из Левада-центра, реализуемый ныне проект рецентрализации напоминает государственное строительство советского типа — с той лишь разницей, что «большевики в свое время от идеологической организации перешли к государственно-бюрократической, а сегодняшние партстроители начинают с последней»²².

Подданничество вместо гражданства, этнический национализм вместо гражданской активности

Еще Эрнест Ренан отмечал, что в империи не может быть гражданских наций²³. В вертикальном, иерархически выстроенном обществе есть лишь «верх» и «низ». Верхи — власти — не могут восприниматься как «мы» и определяются массовым сознани-

ем исключительно как «они». В одних условиях к «ним» могут относиться как к мудрым хозяевам («вот придет барин — барин нас рассудит»), в других же — «их» считают виновниками всех бед. Как раз такое отношение к верхам, основанное на патерналистском сознании, преобладает в современной России. С конца 1990-х доверием пользуются лишь три традиционных института: пра-

обеспечивая в лучшем случае лишь их временное сосуществование в едином государстве. Самьюэл Хантингтон предлагает именовать такую хрупкую матричную модель интеграции «этнико-генеалогической»²⁶. Это определение вполне подходит и для характеристики советской модели межэтнического общежития, официальное описание которой основывалось на генеалогических терминах

“В империях горизонтальные политические связи в масштабе страны отсутствуют и формируются лишь локально на основе этнических или субэтнических отношений”.

витель (в личном качестве, а не как институт президентства — отсюда и периодически возникающие призывы к введению пожизненного правления главы государства), церковь и Вооруженные силы, при крайне низком доверии к правительству, парламенту, суду, не говоря уже о политических партиях²⁴. Эти данные — одно из подтверждений моего тезиса о том, что в современной России, как в империи, нет граждан, есть лишь подданные. Такое свойство имперского режима создает непреодолимые препятствия для интеграции различных народов и культур. Согласно теории политической антропологии, подобная интеграция «подразумевает существование открытого общества, основанного на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами люди любой расы, любой национальности»²⁵. В империях же горизонтальные политические связи и отношения в масштабе страны отсутствуют и формируются лишь локально на основе простейших и древнейших этнических или даже еще более дробных субэтнических отношений. Такой характер отношений между сообществами делает территориальную интеграцию различных народов и культур неустойчивой,

«родина-мать», «республики-сестры», «народы-братья». Верховная власть разделяет «братьев» на «старших» и «младших» и предписывает им определенный тип общения — «дружба народов».

Поскольку в империях в качестве основной формы самоорганизации выступают так называемые «примордиальные», естественные сообщества (этнические, религиозные, клановые и др.), то и переход от имперской, этногенеалогической, модели взаимоотношений между разными культурными сообществами к национальной, гражданско-политической, в мировой истории чаще всего происходил лишь после предварительного этапа, когда усиливается роль этнической консолидации и формируются этнические нации, а не политические. В этом смысле всплеск активности национальных движений на закате Советского Союза и в постсоветских государствах исторически типичен.

Все это характерно и для России, где вначале активизировались национальные движения этнических меньшинств, что проявилось в «параде суверенитетов» российских республик в 1990–1991 годах и в этнических конфликтах на Северном Кавказе. Затем, к концу 1990-х — началу 2000-х, стало

более активным этническое большинство России²⁷. Исследования Леокадии Дробжиновой показывают, что за период с 1994 по 1999 год у всех изученных представителей этнических меньшинств прирост доли лиц с ярко выраженным этническим самосознанием составил 10–15 проц., тогда как у русских он был равен 50 процентам. При этом быстрее всего увеличилась доля наиболее эмоционально окрашенных форм этнического самосознания, которые нашли выражение в высказываниях такого рода: «Любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа»²⁸.

Рост этнического самосознания русских хотя и наступил позже, чем у других этнических сообществ России, но развивается стремительно, и сегодня этническое большинство демонстрирует более высокий уровень этнической тревожности, чем меньшинства. С начала 2000-х среди русских доля тех, кто ощущает ту или иную угрозу со стороны других народов, живущих в России, почти в два раза выше, чем у представителей прочих этнических групп²⁹.

На конференции «Гражданское общество в России: настоящее и будущее» отмечался спад гражданской активности в Российской Федерации в начале 2000-х годов³⁰. На этом фоне особенно заметно усиление самостоятельного движения в организациях националистического толка, что отражает динамику роста националистического сознания. Если в начале 1990-х подобные организации формировались преимущественно на основе национальных движений титульных народов республик РФ (чеченцы, татары, лезгины, аварцы и др.), то с конца 1990-х годов основным субъектом националистической активности стали организации, выступающие от имени этнических русских. В десятки раз выросла численность одних только молодежных организаций, в которые объединялись под лозунгом «Россия для русских» и кото-

рые чаще всего аналитики обозначали под общим названием «скинхеды» (хотя это и некорректное обобщение³¹). В 1991-м в стране насчитывалось буквально несколько сот человек, которых можно было определить как членов русских националистических организаций, а в 2001 году их было уже свыше 10 тысяч. В последующие два года их численность утроилась, составив к 2004-му 33 тыс. человек³². И это только по официальным данным. Эксперты же указывают на значительно более высокие показатели участия молодежи в ультрарадикальных националистических организациях³³.

Саму привлекательность лозунга об особом статусе большинства можно рассматривать в качестве одного из индикаторов, характеризующего нынешнюю политическую ситуацию в России как имперскую или, по крайней мере, раннюю постимперскую. Дело в том, что в империях этнические группы осознают свое место в обществе и формулируют свои требования к властям иначе, чем в сложившихся государствах-нациях. Социолог Уилл Кимлика пришел к фундаментальному выводу, который сегодня цитируется и в основном поддерживается в современной антропологической литературе. По его мнению, в западных демократиях большинство этнокультурных групп не хотят находиться под защитой либерального общества, они хотят быть признанными в качестве полноправных его членов³⁴. Сказанное справедливо как для этнического большинства, так и для национальных меньшинств Европы и США. Все эти группы не выступают против гражданского равенства и не оспаривают сам «принцип участия», дискуссии возникают лишь по вопросу о специфике их участия в социально-экономической и политической жизни общества³⁵. В России же не только меньшинства, но и этническое большинство не ощущает себя хозяином страны, и поэтому политики, выступающие от

имени этнического большинства, требуют для него не большего участия в управлении страной, а защиты, предоставляемой внешней силой — верховным правителем. От властей добиваются, чтобы большинство было наделено дополнительным правовым иммунитетом и статусными преимуществами. Так, в подготовленном для Государственной думы законе «О русском народе» в качестве важнейшего рассматривался тезис о признании русских «единственным государствообразующим народом»³⁶. Идеи эти вовсе не новы. Николай Лесков еще в конце XIX века отмечал, что в Российской империи «русские писатели требуют “предпочтений” русским за одно их русское происхождение, и никто их за это не осуждает»³⁷.

Между тем в демократических национальных государствах лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества, как правило, сопровождается отказом от требований преимущественных прав для себя. У них и без того есть преимущество: они составляют большинство избирателей. Разумеется, это преимущество реализуемо только в обществе, в котором выборы, референдумы и другие процедуры народо-власти имеют значение. Если же эти процедуры представляют собой сугубо декоративный источник демократической власти и не обеспечивают реальной возможности жителям страны (даже формальным гражданам) быть ее хозяином, то в таких условиях становится привлекательной возможность (для какой-то части этнического большинства) вообразить себя «хозяином» хотя бы по отношению к приезжим «гостям» или «старшим братом» по отношению к меньшинствам.

Понятно, что одна лишь постановка вопроса о возрождении статуса «старшего брата» уже вызывает подозрение у представителей нерусских народов, которых таким образом заталкивают в некие сконструированные страты «средних», «младших», «свод-

ных» и прочих братьев и сестер. Трудно рассчитывать, что в подобных условиях будет формироваться позитивный образ единого российского «мы». И официальное переименование населения в нацию вряд ли изменит ситуацию.

Бремя «имперского тела»

Известный американский политолог Александр Мотыль полагает, что основным препятствием на пути России и ее соседей к демократии «выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого»³⁸. На мой взгляд, не имеет смысла противопоставлять «дурную наследственность» «дурным политикам» хотя бы потому, что деятельность таких политиков чаще всего и приводит к возрождению либо оживлению остатков имперского порядка. Однако я согласен с американским коллегой в том, что особенности институциональной среды в решающей мере определяют, насколько возможно формирование гражданского общества и гражданской же нации в той или иной стране.

Важнейший из элементов имперского наследия — персоналистский режим, сохранность которого позволяет определить современную Россию как осколок империи либо как «империю в себе». Вместе с тем сама устойчивость персоналистского режима в России объясняется его включенностью в целостный имперский синдром, который позволяет регенерировать, реконструировать всю имперскую систему при сохранении хотя бы некоторых ее частей. Имперский синдром включает в себя, помимо авторитарного политического режима и подданнического сознания, еще один важный элемент — «имперское тело», то есть территорию, расчлененную рубцами колониальных завоеваний. Речь идет не только об ареалах компактного расселения некогда колонизирован-

ных этнических сообществ (чеченцы, татары, тувинцы и др.), но и о всей совокупности российских регионов, так называемых «субъектов Российской Федерации», которые в действительности лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, а не осознанной заинтересованности в интеграции. Имперский принцип «удержания территорий» сегодня канонизирован в российской политике. Владимир Путин назвал «удержание государства на обширном пространстве» «историческим подвигом», который на протяжении всей своей истории совершали Россия и ее граждане³⁹.

«Имперское тело» во многих отношениях служит своего рода защитным панцирем для имперского режима. Оно позволяет властям использовать древнейший принцип управления — «разделяй и властвуй». Приведу лишь один пример. Исследователи из общества «Мемориал» подсчитали, что по коли-

страхами представителей этнического большинства, которые опасаются, что это «тело» может быть разрушено. А при наличии такого рода страхов воспроизводится и потребность в авторитарном имперском порядке, который с точки зрения мифологизированного сознания действительно способен сохранить «тело» державы.

Российская специфика во многих отношениях настоятельно требует, чтобы в классические теории национализма были внесены уточнения. В большинстве своем эти теории основаны на анализе национальных движений этнических меньшинств, ведущих борьбу за создание собственного национального государства⁴¹. Крайне редко теоретики анализируют природу национализма, присущего этническому большинству, хотя по своим политическим последствиям национализм у разных видов этнических сообществ неодинаков. Национальные движения этнических меньшинств, добивающиеся выхода из состава

“Устойчивость персоналистского режима в России объясняется его включенностью в целостный имперский синдром”.

честву похищений людей в расчете на душу населения одна из республик современной России — Чеченская — опережает Аргентину периода диктатуры военной хунты и разгула «эскадронов смерти» (1976—1983)⁴⁰. Однако в Аргентине уже в начале 1980-х большая часть населения оценивала действия хунты как направленные против собственно-го народа, а в нынешней России аналогичные репрессии воспринимаются как законные действия своих властей против «чужого» народа. Разумеется, сегодня большинство россиян считают Чечню территорией «нашенской», но чеченцев «своими» признаёт меньшинство наших сограждан.

Пока сохраняется «имперское тело», у властей есть возможность манипулировать

ва полиэтнической страны, неизбежно прибегают к риторике «нация против империи» как к средству мобилизации своих сторонников. Однако в ответ этническое большинство периодически мобилизуется под знаменем противоположной идеи — сохранить или возродить пространственное «тело» империи, которое воспринимается как «тело» нации.

Разумеется, идеологи такого движения и не думают о предоставлении аналогичных прав иным этническим общностям. Рассуждения о других исчерпываются либо патерналистскими утверждениями («им с нами лучше», «они без нас не могут»), либо стандартными для имперского сознания представлениями о неизбежности насильственного удержания «имперского тела»

(«не хочешь — заставим»). Таким образом, имперский принцип «власть над народами без их согласия» может опираться и на этнический национализм. Это и обуславливает возможность появления необычного, незаконнорожденного с точки зрения классических теорий наций феномена — «имперского национализма», который стал краеугольным камнем идеи строительства в России новой, третьей империи.

«Третий рейх» по-русски

Концепция имитации гражданской нации служит для сохранения сложившегося политического режима, который многим сторонникам имперских порядков казался вполне пригодным для возрождения полноценной империи при условии, если очистить его от налета преобразований 1990-х годов. «Путин, — считает Наталия Нарочницкая, — безусловно, державник по образу мысли, но подходы нашей внешней политики, на мой взгляд, все еще не до конца освобождены от клише начала 1990-х»⁴². Однако в последнее время в рядах имперской партии усиливаются позиции более радикального крыла, представители которого полагают, что режим «суверенной демократии», сохраняющий пусть декоративные и сужающиеся, но все же элементы либерализма, неустойчив.

«Состояние максимальной неустойчивости постсоветского гибрида либерального и патерналистского типов государственности, — отмечает Михаил Юрьев, — было достигнуто еще в период позднего Ельцина... Наша нынешняя псевдомодель не нравится всем, может быть, не так сильно, но зато всем»⁴³. Если Юрьев под «всеми» понимает всех своих единомышленников, то он прав: в этих рядах недовольство существующим режимом действительно растет и становится массовым. Еще недавно национал-имперские активисты считали президента «своим парнем», «крутым державником», а сейчас подоб-

ные настроения угасают и вместо них все чаще звучит критическая оценка. Не редкостью становятся и националистические демонстрации под лозунгом «Смерть системе!»⁴⁴.

Представители крайнего крыла имперских националистов предлагают уже не косметический ремонт прежней империи, а конструирование новой — третьей империи. Третья она и по счету после царской и советской, и в подражание Третьему рейху. Новая империя, в отличие от нынешнего осколка, должна, по мнению разработчиков этого проекта, поставить себе целью территориальную экспансию — и не только для того, чтобы грабить и использовать ресурсы контролируемых территорий. «Это тоже может иметь место, — пишет Юрьев, — но лишь в качестве вторичных, сопутствующих тенденций. Цель — обустройство присоединенных пространств в соответствии со своими представлениями о правильном жизненном устройстве и государственном порядке»⁴⁵. Очевидно, что для когорты новых имперских националистов имперский проект — это прежде всего инструмент мобилизации российского общества с помощью амбициозной идеи мирового господства⁴⁶. Отсюда и задача заведомо утопического проекта — построить новую Российскую империю, значительно превосходящую по масштабам советскую; империю, простирающуюся от Владивостока до Лисабона.

Близок идеологам третьей российской империи и расистский дискурс, характерный для Третьего рейха. В России он чаще обретает форму культурного расизма и строится на аргументах «изначальной сущности» цивилизаций, которая исключает для народов возможность выбора своего политического пути и на вечные времена предопределяет тип государственного устройства. Скажем, русские, православные люди, в соответствии с этой теорией искони предрасположены только к авторитарным и имперским

режимам. «Наше тяготение к твердой руке, — полагает Юрьев, — обусловлено не столько хаосом в нашей общественной жизни, сколько глубоко укорененной внутренней потребностью русских людей»⁴⁷.

Наконец, этот имперский проект включает в себя идею соединения вертикали власти с вертикалью народов, ранжированных по этническому либо религиозному признаку, то есть опирается на те или иные разновидности национализма.

На первый взгляд может показаться, что продвижение имперского проекта не имеет ничего общего с ростом русского этнического национализма. Так, рост этнической подоплотности плохо сочетается со стремлением удержать народы в едином государстве.

“Имперский проект включает в себя идею соединения вертикали власти с вертикалью народов, ранжированных по этническому либо религиозному признаку”.

Лозунг «Россия для русских!» абсолютно противоположен традиционному имперскому лозунгу «Все народы — подданные одного государя». Между «имперцами», сторонниками глобальной миссии России, и русскими националистами время от времени даже вспыхивают горячие споры⁴⁸. «Имперцы» утверждают, что русский национализм для имперского возрождения вреден и ведет к распаду России. Националисты же, отбиваясь от обвинений, отмечают, что имперский режим в прошлом высосал из русского народа всю кровь, а ложные наднациональные доктрины лишь мешают созданию национального государства, в котором русский народ будет признан, наконец, единственным государствообразующим. Кроме того, националисты упрекают «имперцев» в недостаточной расовой чистоте их лидеров⁴⁹.

Однако все эти различия не столь существенны в сравнении с общими ценностями, которые разделяют как «имперцы», так

и националисты. Прежде всего оба течения исходят из примордиалистского представления об этнических свойствах. Кроме того, и «имперцы», и националисты осознают, что имперская идея крайне непривлекательна для большинства народов России, при этом не только для чеченских, татарских, якутских и прочих националистов, добивающихся большей автономии или полной независимости своих республик, но и для подавляющего большинства граждан всех национальностей, заинтересованных в сохранении и развитии федеративных, а вовсе не имперских отношений. Поэтому в качестве единственного потенциального субъекта возрождения империи и националисты, и «имперцы» рассматривают этническое большин-

ство. Именно отсюда ведет свое происхождение идея политического доминирования в России этнических русских, которую отстаивают представители обоих течений.

Следует отметить, что имперские проекты опираются на две разновидности национализма. Там, где в основе лежит «цивилизационный национализм», политическая иерархия народов и культур задается по религиозному признаку, а в этнонационалистическом проекте — по этногенеалогическому принципу (то есть по крови). Отчетливо просматривается тенденция к срастанию обоих проектов. В середине 1990-х проект империи, вытекающий из «незыблемой сущности евразийской цивилизации», предлагал Александр Панарин. По его концепции, империя — это надэтническое образование, в котором есть место как для православной, так и для мусульманской религий, лежащих в основе евразийской цивилизации и соответственно евразийской империи⁵⁰. Однако в условиях стре-

мительной этнизации населения такие проекты вышли из моды, и на смену им пришли национал-имперские проекты, более соответствующие нынешним настроениям. Один из таких проектов предлагает, например, Дмитрий Володихин. По его мысли, «правлящую элиту России должны составлять русские по культуре, при этом не обязательно русские по крови». Однако автор подчеркивает, что «их конфессионально-культурная принадлежность должна быть прочной, очевидной»⁵¹. Уже в соответствии с этим проектом российским мусульманам, численность которых в нашей стране за полвека удвоилась и продолжает быстро расти, в элите имперского государства места нет.

Еще большей популярностью может пользоваться стандартный этнонационалистический проект, предложенный Александром Севастьяновым, сопредседателем Народно-державной партии России (НДПР). Его конструкция совсем проста и потому понятна: Севастьянов предлагает определять принадлежность к русскому народу без особых ухищрений — по крови, чистота которой должна проверяться до третьего колена. Это уже проект империи, откровенно списанный с модели Третьего рейха, где был апробирован инструментарий его практической реализации⁵².

На самом деле между «цивилизационным» и этническим национализмом различий немного. Один из них, «цивилизационный», служит сегодня лишь быстрорастворимой оболочкой, с помощью которой легче проглотить таблетку национализма этнического, для некоторых все еще горьковатую. Об этническом превосходстве пока не принято говорить в контролируемых государством СМИ. Цивилизационную же исключительность русского народа ныне прославляют все: от митрополита Кирилла до московского мэра Юрия Лужкова и главного кремлевского идеолога Владислава Суркова, от

левого идеолога Александра Проханова до правого политика Анатолия Чубайса. Этнонационалистическая теория, хотя она и распространяется большими тиражами в многочисленных изданиях, все же не вполне легальна, тогда как ее цивилизационная версия вошла во все школьные учебники истории и представлена в книгах популярного ныне Александра Дугина, рекомендованных в качестве учебных пособий для военных учебных заведений нашей страны⁵³.

Российская власть и программы «имперского национализма»

Если говорить в терминах «цивилизационного национализма», то федеральная власть уже националистична. Государственная доктрина «суверенной демократии» покоится на признании неких незыблемых цивилизационных особенностей русского народа, для которого якобы неприемлема западная модель демократии. Власть использует и стандартные для «цивилизационного национализма» методы идеологической мобилизации общества — военно-героическое прошлое (прославление побед империи), а также страх (образ врага). Однако такая политика для нынешней власти самоубийственна, поскольку те, кто ныне управляет страной, поражены типичным для персоналистских режимов недугом — самонадеянностью. Они полагают, что если можно было соорудить «управляемую демократию», то возможен и управляемый национализм. Глубокое заблуждение: у национализма совершенно иная природа, он опирается на слабо управляемое мифологическое сознание и требует постоянного эмоционального разогрева. Его легко пробудить, но очень тяжело направить на желаемую цель — сохранение власти.

Впрочем, сегодня не так уж важен ответ на вопрос: действительно ли власть стремилась опереться на национализм, или он возник

как побочный продукт авторитарной политики? Главное — это констатация того, что сейчас национализм вышел из-под государственного контроля и развивается независимо от желаний и целей нынешнего российского истеблишмента. Националистическая активность опирается на самодеятельное движение, не похожее на организуемые властью молодежные институты наподобие «Наших» или «Молодой гвардии», что обрекает на неудачу все попытки властей заигрывать с националистами либо воспользоваться их инструментарием.

Так, для консолидации граждан российская власть создала новый праздник — День народного единства, посвященный событиям 1612 года. Однако этот праздник был сразу же монополизирован русскими националистическими организациями, объединившимися в движение «Русский марш», и теперь сама же власть боится этого праздника: еще до его начала стягивает милицию в российские города и вынуждена изучать, как сводки с фронтов, информацию о состоявшихся или разогнанных митингах националистов. Попытка консолидировать россиян с помощью образа врага также не увенчалась

пропрезидентски настроенные журналисты охарактеризовали как «подъем русского духа»⁵⁴, власть заговорила о необходимости «обеспечения преимуществ коренному населению» (вот вам и поддержка идеи доминирования). После эксцессов с Грузией (осень 2006-го) было заявлено о введении процентных квот на проживание иностранцев (как легко заменить это слово на «инородцы»).

Сегодня российская власть, безусловно, дрейфует в сторону «имперского национализма», а на пороге уже стоит молодая смена — голодные волчата, обученные по учебникам Дугина, с дочиста промытыми мозгами, да еще и ксенофобы. Почему бы им для начала не попытаться занять место в правительстве тех, с «нерусскими фамилиями»? Эти силы в нынешних российских условиях не могут прийти к власти вследствие демократических процедур, да они и не заинтересованы в демократии. Мала также и степень вероятности того, что они станут у руля власти в результате военного переворота (хотя такой вариант развития событий и обсуждается в их кругах). Но вполне возможны «тихое», постепенное обновление состава власти и рост в нем удельного веса наци-

“Сейчас национализм вышел из-под государственного контроля и развивается независимо от желаний и целей нынешнего российского истеблишмента”.

успехом: националисты стали утверждать, что само правительство и есть источник всех бед русского народа.

Власть способна применять силу против чеченских националистов и исламских фундаменталистов в республиках Северного Кавказа, но по отношению к русским, к населению, которое уже официально называется «коренным», эти методы не подходят. После этнического погрома в Кондопоге (30 августа — 3 сентября 2006 года), который даже

онал-имперских сил, поэтому я согласен с Юрьевым, который пишет, что «стратегически возникновение в недрах российской властной структуры ориентации на вторую модель (полноценную имперскую. — Э.П.) вполне закономерно и обусловлено давлением жестких обстоятельств»⁵⁵. Что же это за обстоятельства?

События на Украине, связанные с так называемой «оранжевой революцией», показывают, что острая дисфункция гибридной

либерально-патерналистской системы может развиваться не только в период экономического неблагополучия, но и на стадии экономического подъема. На Украине предпосылки «оранжевой революции» создавались в условиях беспрецедентного для всего постсоветского пространства прироста ВВП — 12 процентов. Такая ситуация вполне объяснима: в период неблагополучия элиты заинтересованы в стабилизации и способны договариваться о разделе сравнительно скудного пирога, но когда возможные размеры прибыли становятся почти безграничными и возникает сильнейшая поляризация уже в элитарной среде, тогда и созревают предпосылки для «оранжевой революции», которую многие назвали восстанием миллионов против миллиардеров.

В России же проявился еще один важный фактор дестабилизации сложившейся системы отношений: люди стали иначе оценивать свое благополучие. Исследования Института социологии РАН показывают, что к 2005—2006 годам закончилось действие наркотоза,

ния в современной России становится капитал социальных связей, а это — ресурс эксклюзивный, он недоступен подавляющему большинству населения. Экономика, присоединившись к традиционным сферам производства, слабо диверсифицируется и способна лишь в ограниченном количестве предоставлять новые трудовые ниши, соответствующие растущим запросам.

В отличие от Украины, в России сходными обстоятельствами, скорее всего, воспользуются совершенно иные силы, исповедующие несвойственные украинской элите имперские идеи. Для украинской элиты, да и всего населения этой страны, чрезвычайно значима своя, новая, постсоветская национальная государственность. Так, исследования Института социологии НАН Украины показывают, что доля людей, поддерживающих независимость Украины, выросла (невзирая на весьма неоднозначные пока последствия «оранжевой революции») с 50,7 проц. в августе 2001-го до 58,8 проц. в июле 2006 года⁵⁶. В России же ни элита, ни общество не хотят

“Значительная часть населения России воспринимает распад Союза не как естественный процесс, а как следствие некоего заговора”.

который власть использовала для поддержания относительной стабильности, а именно постоянно сравнивая нынешнее положение с эпохой Ельцина. Сегодня большинство людей сопоставляют себя уже не со своим собственным прошлым, а с теми, кто ушел от них вперед по социальной и имущественной лестнице. Этот разрыв огромен и продолжает увеличиваться, а нефтедолларовый дождь лишь усиливает социальную поляризацию. Еще важнее то, что все труднее подняться на высшую ступеньку социально-имущественной лестницы, зато опуститься вниз — все легче. Важнейшим источником материального благополучия и социального продвиже-

вести отчет независимости страны от времени распада Советского Союза. Президент России в своем Послании Федеральному собранию 2005 года объявил распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века»⁵⁷. Вторая по представительности партия российского парламента — КПРФ вообще рассматривает нынешнюю Российскую Федерацию всего лишь как жалкий «обрубок с кровотокающими разорванными связями»⁵⁸. Значительная часть населения России воспринимает распад Советского Союза не как естественный процесс, а как следствие некоего заговора: «Союз не распался — его развалили сознательно». Каким

образом может сложиться единая и позитивная идентичность у жителей государства, которое и властями, и обществом воспринимается как неожиданный, незаконнорожденный ребенок, калека, жертва катастрофы или заговора?

Перспективы «имперского национализма» в России

В своем дрейфе в сторону «имперского национализма» Россия похожа на Германию конца 1920-х годов. Об этом сходстве говорят и пишут многие, а Егор Гайдар в подтверждение этой идеи даже проводит весьма поучительные исторические параллели. Он отмечает, что между крахом второй Германской империи и приходом к власти Гитлера, выдвинувшего идею Третьей империи, прошло 15 лет, то есть ровно столько же времени, сколько между крахом СССР и рождением концепции третьей российской империи. В Германии имперская государственная символика была восстановлена через 8 лет после краха империи (1926), а в России — через 9 лет (2000)⁵⁹.

Угроза фашизации России, к сожалению, реальна, но все же такой сценарий развития вовсе не предопределен. Учитывая сложную территориальную структуру нашей страны с большими ареалами, заселенными нерусскими народами, удельный вес которых в составе населения РФ увеличивается, вероятность успеха национал-имперской модели в современной России ниже, чем в Германии 1930-х. В таких условиях несоответствие между имперской политикой и реальными запросами страны проявляется очень быстро, и, следовательно, национал-имперский режим не имеет шансов на сколько-нибудь устойчивое существование. Идея мирового господства России настолько нелепа, что нет смысла ее обсуждать. Современная Россия в большей мере, чем Советский Союз, и даже больше, чем Германия 1920–1930-х годов, встроена в

мировую экономику. Эта интеграция не только обеспечивает значительную часть роста нашего национального богатства, но и (что, возможно, еще важнее) выступает гарантом благосостояния современной российской элиты, которая, надеюсь, так или иначе сумеет почувствовать угрозы, которые несет с собой фашизация страны. Пока у российского истеблишмента есть еще немало возможностей предотвратить приход к власти наиболее агрессивной части сил «имперского национализма».

Признаюсь, я невысоко ценю прогностические возможности любых сценарных построений, и сценарии, приведенные в данной статье, предназначены не для этого. С их помощью я лишь хотел показать, что социальные ресурсы, необходимые для формирования гражданского общества и гражданской нации, не проявились настолько, чтобы их можно было легко распознать и выстроить, исходя из этого, хоть сколько-нибудь обоснованную теорию развития гражданской нации в России. Кроме того, я пытался показать и другие реальные трудности, препятствующие как формированию гражданской нации, так и осмыслению возможных путей этого процесса. Замечу, что и спрос на проект гражданской нации (реальной, основанной на народном суверенитете) пока не велик. Он не нужен ни державникам — защитникам империи, ни сепаратистам — сторонникам самостийных этнократических государств; не вписывается он ни в доктрину «суверенной демократии», ни в конъюнктурные планы либеральной оппозиции (по крайней мере, пока она видит в нем мало пользы). Однако угроза нарастания фашизма делает проблему формирования гражданской нации одной из наиболее актуальных, что, скорее всего, и станет основным стимулом к более активному и глубокому ее осмыслению всеми политическими силами. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Тишков В.А.* Кризис понимания России. М., 2006. С. 28.

² См., например: *Паин Э.* Дискуссия: Российское государство: вчера, сегодня, завтра // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=609>

³ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1991.

⁴ *Renan E.* Qu'est-ce qu'une Nation? Discours et Conférences par Ernest Renan. P., 1887.

⁵ *Тишков В.А.* Указ. соч. С. 29.

⁶ *Белковский С.* России пора распрощаться с внешним управляющим // Комсомольская правда. 2004. 19 янв. (<http://www.kp.ru/daily/23197/25967>).

⁷ *Нарочницкая Н.А.* Проход через «узкие врата» // Столетие. 2006. 13 июня (<http://stoletie.ru/moment/060613134707.html>).

⁸ *Anderson B.* Op. cit. P. 86–87.

⁹ *Суни Р.* Империя как она есть: Имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 68.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² *Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок // Ab Imperio. 2005. № 1. С. 79.

¹³ *Бейссинджер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 68.

¹⁴ *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. М.: РОСПЭН, 2006. С. 18.

¹⁵ *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge (Mass.), 1953 (второе издание 1966).

¹⁶ *Habermas J.* L'Espace public: Archeologie de la publicite comme dimension constitutive de la société bourgeoise. P., 1986.

¹⁷ Просвещение — это хотя и недостаточное, но необходимое условие формирования гражданской нации. Однако в имперской стране вероятность массового просвещения населения в духе его гражданской ориентации крайне мала.

¹⁸ *Юсупова Д.* Новый средний // Ведомости. 2007. 2 февр.

¹⁹ *Юсупова Д.* Указ. соч.

²⁰ *Суни Р.* Указ. соч. С. 49.

²¹ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2001. P. 19.

²² Общественное мнение — 2002. По материалам исследований 1989–2002 гг.: Ежегодник // М.: ВЦИОМ, 2002. С. 43.

²³ *Renan E.* Op. cit.

²⁴ Общественное мнение — 2002... С. 42.

²⁵ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. С. 62–63.

²⁶ Там же. С. 62.

²⁷ См.: *Паин Э.* Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.

²⁸ По материалам исследовательских проектов, выполненных под рук. Л.М. Дробизевой: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993–1996); «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001).

²⁹ См. подробнее: *Паин Э.* Этнополитический маятник... С. 190–191.

³⁰ Гражданское общество в России: Настоящее и будущее // Конференция, посвященная 15-летию Горбачёв-фонда, проходившая в Москве в Горбачёв-фонде 15 февраля 2007 г. По материалам устных выступлений, в записи автора.

³¹ «Скинхеды» представляют собой лишь одну из разновидностей русских молодежных националистических организаций.

³² *Гирько С.И.*, начальник НИИ МВД России. Вступительное слово на конференции «Преступность в России: причины и перспективы» // Материалы Международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России. 27 апр. 2004 г. М., 2004. С. 8.

³³ *Тарасов А.* Наци-скины в современной России // Аналитический доклад Московского бюро по правам человека. М., 2004.

³⁴ *Kymlika W., Mesure S.* Comprendre les identités culturelles. P.: PUF, 2000. P. 144. Цит. по: *Кодиак Р. Ле.* Мультикультурализм // Диалоги об этничности и мультикультурализме. М., 2005. С. 33.

³⁵ Там же.

³⁶ *Севастьянов А.* Нужен ли нам закон «О русском народе»? // Независимая газета. 2001. 25 мая

(http://www.ng.ru/ideas/2001-05-25/8_russia.html).

³⁷ *Лесков Н.* Еврей в России // Воспроизведение сокращенной публикации в журнале «Дружба народов». М.: Книга, 1990.

³⁸ *Мотыль А.* Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004. С. 174–175.

³⁹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003. 17 мая.

⁴⁰ *Орлов О.* Выступление на конференции «Другая Россия» / Записи автора статьи. Москва, 11 июля 2006 г.

⁴¹ *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 23; *Gellner E.* Thought and Change. L., 1964; *Idem.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983; *Idem.* Encounters with Nationalism. Oxford, 1994; *Idem.* Introduction // Notions of Nationalism / S. Periwai (ed.). Budapest, 1995.

⁴² Депутат Госдумы Наталия Нарочницкая: «Чтобы выжить, нам надо уверенно ощущать себя русскими» (Комсомольская правда. 2004. 2 июня; <http://www.kp.ru/daily/23288/29301/>).

⁴³ *Юрьев М.* «Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма» // Дискуссия: Российское государство: вчера, сегодня, завтра (<http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=609>).

⁴⁴ См. например: Неонацистская акция в Волгограде // <http://www.xeno.sova-center.ru/45A29F2/8D90ED4>

⁴⁵ *Юрьев М.* Указ. соч.

⁴⁶ *Юрьев М.* Третья Империя. Россия, которая должна быть. СПб.; М.: Лимбус-Пресс; Издательство К. Тублина. 2007.

⁴⁷ *Юрьев М.* «Естественным для русских вариантом...».

⁴⁸ См., например: *Святенков П.* Империя и ее имперцы // <http://www.apn.ru/publications/article9903.htm>

⁴⁹ *Белов А.* Имперский марш русского будущего // <http://www.apn.ru/publications/article10883.htm>

⁵⁰ *Панафин А.С.* Парадоксы европеизма в современной России // Россия и мусульманский мир. 1997. № 3.

⁵¹ *Володихин Д.* Дискуссия в фонде «Либеральная миссия» // http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Num=605

⁵² *Севастьянов А.Н.* Время быть русским: Третья сила: Русский национализм на авансцене истории. М.: ЭКСМО, 2004.

⁵³ См.: *Шнирельман В.* «Несовместимость культур»: От научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: Идеология и настроение / Сост. А. Верховский. М.: Сова, 2006. С. 183–222.

⁵⁴ См., например: *Можегов В.* Гром грянул // <http://www.apn.ru/publications/article10329.htm>

⁵⁵ *Юрьев М.* «Естественным для русских вариантом...».

⁵⁶ *Резник А.* Социальная легитимность украинской государственности: Методологические и методические проблемы изучения // Социология: Теория, методы, маркетинг. 2007. № 1. С. 57.

⁵⁷ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. Москва, 25 апреля 2005 г. (http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml).

⁵⁸ *Зюганов Г.* Драма власти. М.: Палея, 1994. С. 202.

⁵⁹ *Гайдар Е.Т.* Указ. соч. С. 12–15.